

В.Л. Короленко

**История моего
современника**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
История моего современника: Том 1 / В.Л. Короленко – М.: Книга по Требо-
ванию, 2017. – 388 с.

ISBN 978-5-517-99252-9

ISBN 978-5-517-99252-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не встрѣчалось въ дѣйствительности, чего я не испыталъ, не чувствовалъ, не видѣлъ. И все же повторяю: я не пытаюсь дать собственный портретъ. Здѣсь читатель найдетъ только черты изъ «исторіи моего современника», человѣка, извѣстнаго мнѣ ближе всѣхъ остальныхъ людей моего времени...

1-е изданіе въ 1910 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ * РАННЕЕ ДѢТСТВО

I

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ БЫТІЯ

Я помню себя рано, но первыя мои впечатлѣнія разрознены, точно ярко освѣщенные островки среди безцвѣтной пустоты и тумана.

Самое раннее изъ этихъ воспоминаній — сильное зрительное впечатлѣніе пожара. Мнѣ могъ идти тогда второй годъ, но я совершенно ясно вижу и теперь языки пламени надъ крышей сарая во дворѣ, странно освѣщенные среди ночи стѣны большого каменнаго дома и его отсвѣчивающія пламенемъ окна. Помню себя, тепло закутаннаго, на чьихъ-то рукахъ, среди кучки людей, стоявшихъ на крыльцѣ. Изъ этой неопредѣленной толпы память выдѣляетъ присутствіе матери, между тѣмъ какъ отецъ, хромой, опираясь на палку, подымается по лѣстницѣ каменнаго дома во дворѣ напротивъ, и мнѣ кажется, что онъ идетъ въ огонь. Но это меня не пугаетъ. Меня очень занимаютъ мелькающія, какъ головешки, по двору каски пожарныхъ, потомъ одна пожарная бочка у воротъ и входящій въ ворота гимназистъ съ

укороченной ногой и высокимъ наставнымъ каблукомъ. Ни страха, ни тревоги я, кажется, не испытывалъ, связи явленій не устанавливалъ. Въ мои глаза въ первый еще разъ въ жизни попадало столько огня, пожарныя каски и гимназистъ съ короткой ногой, и я внимательно разсматривалъ всѣ эти предметы на глубокомъ фонѣ ночной тьмы. Звуковъ я при этомъ не помню: вся картина только безмолвно переливается въ памяти пловучими отсвѣтами багроваго пламени.

Вспоминаю, затѣмъ, нѣсколько совершенно незначительныхъ случаевъ, когда меня держатъ на рукахъ, унимаютъ мои слезы или забавляютъ. Мнѣ кажется, что я вспоминаю, но очень смутно, свои первые шаги... Голова у меня въ дѣтствѣ была большая, и при паденіяхъ я часто стучался ею объ полъ. Одинъ разъ это было на лѣстницѣ. Мнѣ было очень больно, и я громко плакалъ, пока отецъ не утѣшилъ меня особымъ приѣмомъ. Онъ побилъ палкой ступеньку лѣстницы, и это доставило мнѣ удовлетвореніе. Вѣроятно, я былъ тогда въ періодѣ фетишизма и предполагалъ въ деревянной доскѣ злую и враждебную волю. И вотъ, ее бьютъ за меня, а она даже не можетъ уйти... Разумѣется, эти слова очень грубо переводятъ тогдашнія мои ощущенія, но доску и какъ будто выраженіе ея покорности подъ ударами вспоминаю ясно.

Впослѣдствіи то же ощущеніе повторилось въ болѣе сложномъ видѣ. Я былъ уже нѣсколько больше. Былъ необыкновенно свѣтлый и теплый лунный вечеръ. Это вообще пер-

вый вечеръ, который я запомнилъ въ своей жизни. Родители куда-то уѣхали, братья, должно быть, спали, нянька ушла на кухню, и я остался съ однимъ только лакеемъ, носившимъ неблагозвучное прозвище Гандыло. Дверь изъ передней на дворъ была открыта, и въ нее откуда-то, изъ озаренной луною дали, неслоь рокотаніе колесъ по мощеной улицѣ. И рокотаніе колесъ я тоже въ первый разъ выдѣлилъ въ своемъ сознаниі, какъ особое явленіе, и въ первый же разъ я не спалъ такъ долго... Мнѣ было страшно, — вѣроятно, днемъ рассказывали о ворахъ. Мнѣ показалось, что нашъ дворъ при лунномъ свѣтѣ очень странный, и что въ открытую дверь со двора непременно войдетъ «воръ». Я какъ будто зналъ, что воръ — человѣкъ, но вмѣстѣ онъ представлялся мнѣ и не совсѣмъ человѣкомъ, а какимъ-то чело-вѣкообразнымъ таинственнымъ существомъ, которое сдѣлаетъ мнѣ зло уже однимъ своимъ внезапнымъ появленіемъ. Отъ этого я вдругъ громко заплакалъ.

Не знаю ужъ по какой логикѣ, — но лакей Гандыло опять принесъ отцовскую палку и вывелъ меня на крыльцо, гдѣ я, быть можетъ, по связи съ прежнимъ эпизодомъ такого же рода, — сталъ крѣпко бить ступеньку лѣстницы. И на этотъ разъ это опять доставило удовлетвореніе; трусость моя прошла настолько, что еще раза два я безстрашно выходилъ наружу уже одинъ, безъ Гандыла, и опять колотилъ на лѣстницѣ воображаемаго вора, упиваясь своеобразнымъ ощущеніемъ своей храбрости. На слѣдующее утро я съ увлеченіемъ

разсказывалъ матери, что вчера, когда ея не было, къ намъ приходилъ воръ, котораго мы съ Гандыломъ крѣпко побили. Мать снисходительно поддакивала. Я зналъ, что никакого вора не было, и что мать это знаетъ. Но я очень любилъ мать въ эту минуту за то, что она мнѣ не противорѣчитъ. Мнѣ было бы тяжело отказаться отъ того воображаемаго существа, котораго я сначала боялся, а потомъ положительно «чувствовалъ», при странномъ лунномъ сіяніи, между моей палкой и ступенькой лѣстницы. Это не была зрительная галлюцинація, но было какое-то упоеніе отъ своей побѣды надъ страхомъ...

Еще стоитъ островкомъ въ моей памяти путешествіе въ Кишиневъ, къ дѣду съ отцовской стороны... Изъ этого путешествія я помню переправу черезъ рѣку (кажется, Прутъ), когда наша коляска была установлена на плоту и, плавно колыхаясь, отдѣлилась отъ берега, или берегъ отдѣлился отъ нея, — я этого еще не различалъ. Въ то же время переправлялся черезъ рѣку отрядъ солдатъ, при чемъ, мнѣ помнится, солдаты плыли по-двое и по-трое на маленькихъ квадратныхъ плотикахъ, чего, кажется, при переправахъ войскъ не бываетъ... Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ, а они смотрѣли въ нашу коляску и говорили что-то, мнѣ непонятное... Кажется, эта переправа была въ связи съ севастопольской войной...

Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ переѣзда черезъ рѣку, я испыталъ первое чувство рѣзкаго разочарованія и обиды... Внутри просторной дорожной коляски было темно. Я

сидѣлъ у кого-то на рукахъ впереди, и вдругъ мое вниманіе привлекла красноватая точка, то вспыхивавшая, то угасавшая въ углу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ отецъ. Я сталъ смѣяться и потянулся къ ней. Мать говорила что-то предостерегающее, но мнѣ такъ хотѣлось ближе ознакомиться съ интереснымъ предметомъ или существомъ, что я заплакалъ. Тогда отецъ подвинулъ ко мнѣ маленькую красную звѣздочку, ласково притаившуюся подъ пепломъ. Я потянулся къ ней указательнымъ пальцемъ правой руки; нѣкоторое время она не давалась, но потомъ вдругъ вспыхнула ярче, и меня внезапно обжегъ рѣзкій укусъ. Думаю, что по силѣ впечатлѣнія теперь этому могло бы равняться развѣ крѣпкое и неожиданное укушеніе ядовитой змѣи, притаившейся, напримеръ, въ букетѣ цвѣтовъ. Огонекъ казался мнѣ сознательно хитрымъ и злымъ. Черезъ два-три года, когда мнѣ вспомнился этотъ эпизодъ, я прибѣжалъ къ матери, сталъ рассказывать и заплакалъ. Это были опять слезы обиды...

Подобное же разочарованіе вызвало во мнѣ первое купаніе. Рѣка произвела на меня чарующее впечатлѣніе: мнѣ были новы, странны и прекрасны мелкія зеленоватыя волны зыби, врывавшіяся подъ стѣнки купальни, и то, какъ онѣ играли блесками, осколками небесной синевы и яркими кусочками какъ будто изломанной купальни. Все это казалось мнѣ весело, живо, бодро, привлекательно и дружелюбно, и я упрашивалъ мать поскорѣе внести меня въ воду. И вдругъ — неожиданное и рѣзкое впечатлѣніе не то холода, не то ожо-

га... Я громко заплакалъ и такъ забился на рукахъ у матери, что она чуть меня не выронила. Купаніе мое на этотъ разъ такъ и не состоялось. Пока мать плескалась въ водѣ съ непонятнымъ для меня наслажденіемъ, я сидѣлъ на скамьѣ, надувшись, глядѣлъ на лукавую зыбь, продолжавшую играть такъ же заманчиво, осколками неба и купальни, и сердился... На кого? Кажется, на рѣку.

Это были первыя разочарованія: я кидался навстрѣчу природѣ съ довѣріемъ незнанія, она отвѣчала стихійнымъ безстрастіемъ, которое мнѣ казалось сознательно враждебнымъ...

Еще одно изъ тѣхъ первичныхъ ощущеній, когда явленіе природы впервые остается въ сознаніи выдѣленнымъ изъ остального міра, какъ особое и рѣзко законченное, съ основными его свойствами. Это — воспоминаніе о первой прогулкѣ въ сосновомъ бору. Здѣсь меня положительно заворожилъ протяжный шумъ лѣсныхъ верхушекъ, и я остановился, какъ вкопанный, на дорожкѣ. Этого никто не замѣтилъ, и все наше общество пошло дальше. Дорожка въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди круто опускалась книзу, и я глядѣлъ, какъ на этомъ изломѣ исчезали сначала ноги, потомъ туловища, потомъ головы нашей компаніи... Я ждалъ съ жуткимъ чувствомъ, когда исчезнетъ послѣдней ярко-бѣлая шляпа дяди Генриха, самаго высокаго изъ братьевъ моей матери, и, наконецъ, остался одинъ... Я, кажется, чувствовалъ, что «одинъ въ лѣсу» — это, въ сущности, страшно, но, какъ заколдованный, не могъ ни двинуться, ни произнести звука.

и только слушалъ то тихій свистъ, то звонъ, то смутный говоръ и вздохи лѣса, сливавшіеся въ протяжную, глубокую, нескончаемую и осмысленную гармонію, въ которой улавливались одновременно и общій гулъ, и, отдѣльные голоса живыхъ гигантовъ, и колыханія, и тихія поскрипыванія красныхъ стволовъ... Все это какъ бы проникало въ меня захватывающей могучей волной... Я переставалъ чувствовать себя отдѣльно отъ этого моря жизни, и это было такъ сильно, что, когда меня хватились, и братъ матери вернулся за мной, то я стоялъ на томъ же мѣстѣ и не откликнулся... Подходившаго ко мнѣ дядю, въ свѣтломъ костюмѣ и соломенной шляпѣ, я видѣлъ, точно чужого незнакомаго человѣка во снѣ...

Впослѣдствіи и эта минута часто вставала въ моей душѣ, особенно въ часы усталости, какъ первообразъ глубокаго, но живого покоя... Природа ласково манила ребенка въ началѣ его жизни своей нескончаемой, непонятной тайной, какъ будто обѣщая гдѣ-то въ безконечности глубину познанія и блаженство разгадки...

Какъ, однако, грубо наши слова выражаютъ наши ощущенія... Въ душѣ есть тоже много непонятнаго говора, который не выразить грубыми словами, какъ и рѣчи природы... И это именно то, гдѣ душа и природа составляютъ одно...

.
Все это разрозненные, отдѣльные впечатлѣнія полусознательнаго существованія, не связанные, какъ будто, ничѣмъ, кромѣ личнаго

ощущенія. Послѣднимъ изъ нихъ является переѣздъ на новую квартиру... И даже не переѣздъ (его я не помню, какъ не помню и прежней квартиры), а опять первое впечатлѣніе отъ «новаго дома»; отъ «новаго двора» и сада. Все это показалось мнѣ новымъ міромъ, но странно: затѣмъ это воспоминаніе выпадаетъ изъ моей памяти. Я вспомнилъ о немъ только уже черезъ нѣсколько лѣтъ и, когда вспомнилъ, то даже удивился, такъ какъ мнѣ представлялось въ то время, что мы жили въ этомъ домѣ вѣчно, и что вообще въ мірѣ никакихъ крупныхъ переменъ не бываетъ. Основнымъ фономъ моихъ впечатлѣній за нѣсколько дѣтскихъ лѣтъ является безсознательная увѣренность въ полной законченности и неизмѣняемости всего, что меня окружало. Если бы я имѣлъ ясное понятіе о твореніи, то, вѣроятно, сказалъ бы тогда, что мой отецъ (котораго я зналъ хромымъ) такъ и былъ созданъ съ палкой въ рукѣ, что бабушку Богъ сотворилъ именно бабушкой, что мать моя всегда была такая же красивая голубоглазая женщина съ русой косой, что даже сарай за домомъ такъ и явился на свѣтъ покосившимся и съ зелеными лишаями на крышѣ. Это было тихое, устойчивое нарастаніе жизненныхъ силъ, плавно уносившее меня вмѣстѣ съ окружающимъ міркомъ, а берега сторонняго необъятнаго міра, по которымъ можно было бы замѣтить движеніе, мнѣ тогда не были видны... И самъ я, казалось, всегда былъ такимъ же мальчикомъ съ большой головой, при чемъ старшій братъ былъ нѣсколько выше меня,